

18+ Сергей Серванкос

СОЛНЦЕВОРОТ

Любителям фантастики и приключений

Сергей Серванкос

**Солнцеворот. Любителям
фантастики и приключений**

«Издательские решения»

Серванкос С.

Солнцеворот. Любителям фантастики и приключений /
С. Серванкос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851997-0

Жизнь часто преподносит сюрпризы. Порой один неверный шаг круто меняет её спокойное течение. Но чаще всего мы даже представить себе не можем, что нас ждёт впереди.

ISBN 978-5-44-851997-0

© Серванкос С.
© Издательские решения

Содержание

Рынок душ	6
Шторм	6
Пираты	7
Побег	8
Погоня	9
Рынок	10
План	11
Предательство	13
Подвал	14
Хозяин	15
Боль	16
Приговор	17
Зеркало	18
Казнь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Солнцеворот Любителям фантастики и приключений

Сергей Серванкос

© Сергей Серванкос, 2020

ISBN 978-5-4485-1997-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РЫНОК ДУШ

«Но знай то, что в последние дни наступят необычайно трудные времена. Люди будут самолюбивыми, любящими деньги, самонадеянными, высокомерными, богохульниками, непослушными родителям, неблагодарными, неверными, лишёнными родственных чувств, несговорчивыми, клеветниками, не имеющими самообладания, ожесточёнными, не любящими добродетельность, предателями, своеправными, гордецами, любящими удовольствия, но не любящими Бога, имеющими вид преданности Богу, но отвергающими её силу. От таких удаляйся»

(2Тимофею 3:1—5ПНМ)

ШТОРМ

Ветер швырял сухогруз словно щепку. Хотя, я хожу в море уже не первый год, но к болтанке так и не привык. Всё нутро у меня просилось наружу и, когда боцман Сидорчук, похлопав по плечу, сказал, что пора на вахту, я даже обрадовался: наконец-то, хоть чем-то займусь, и смогу отвлечься.

Когда я открыл дверь на палубу, туча солёных брызг окатила меня с головы до ног освежающим душем, яростный ветер продирался под одежду. Шум был такой, будто совсем рядом на разогреве стоит реактивный самолёт, готовый вот-вот взлететь. Я ухватился за поручень и медленно побрёл к мостику. Стихия бушевала, стараясь разметать наш корабль в пух и прах.

Вот и трап, ведущий в рубку капитана. Вдруг сильнейшая волна ударила в правый борт, тут же накатила следующая и, скользнув по тросам, всей своей мощью врезалась в мою грудь.

Пираты

Я проснулся от невероятной тишины и сильной головной боли. Шторм кончился, в иллюминатор светило солнце, я лежал в больничном кубрике, рядом сидела Зина. Это она настояла на походе к берегам Африки, дело в том, что мы уже три года вместе. У неё подрастал сын, которого воспитывала мать Зины, а она обеспечивала их, зарабатывая на жизнь судовым врачом.

– Что случилось? Почему я здесь?

– Тебя вчера ночью волной сбило, видимо сотрясение мозга, – сказала она, наклонилась и нежно поцеловала меня в губы.

– А, что шторм кончился?

– Да, представляешь! В один миг, будто и не было ничего.

– Так ведь мы сейчас там, где пираты орудуют, – сморщился я от резкой боли. – Кеп, ведь, на шторм и рассчитывал, что под шумок эти воды проскочим.

– Не волнуйся! Тебе нужен покой, всё будет хорошо!

– Говорил тебе, что тройную таксу просто так не платят, не надо было соглашаться на эту авантюру.

– Успокойся, милый, всё будет хорошо!

– Хорошо? Ты хоть знаешь, что за ящики у нас в трюме? Это оружие, за нас даже выкуп требовать не будут! Ты понимаешь, что с нами будет?

Наш разговор прервал протяжный сигнальный гудок, который не предвещал ничего хорошего. Выглянув в иллюминатор, я увидел большой катер с вооружёнными людьми на борту, который быстро приближался к нам. Я вскочил с постели и стал одеваться, не обращая внимания на головокружение и боль. Зина испуганно смотрела на меня и причитала:

– Ой, что же теперь будет? Это пираты, Серёж, они нас убьют?

– Не скули! – выругался я и, схватив её за руку, потащил на корму.

Мы быстро добрались до заветной шхеры – это маленькая каптёрка для хранения ненужных вещей. Войдя внутрь, я осмотрелся и, раскидав пустые ящики, сказал Зине:

– Быстро сюда!

Мы сели в угол, натянули на себя, валявшийся под ногами брезент. Потом я вытащил руку из-под брезента и дёрнул кучу из ящиков и другого хлама, чтобы она рассыпалась. Несколько ящиков свалились прямо на нас – этого я и добивался.

– Теперь не дыши! – сказал я и мы затихли, прижавшись друг к другу.

Снаружи раздались выстрелы, крики, топот бегающих людей, падающих предметов. Через полчаса всё затихло. Ещё через полчаса возле нашего укрытия раздались шаги, послышалась иностранная речь. Дверь в каптёрку открылась, раздалась автоматная очередь. Моё левое плечо обожгла резкая боль, словно огромный шершень вцепился в него, тут же я почувствовал, что по руке течёт кровь. Сцепив зубы, я прижал к себе дрожащую Зину. Стрелявший, что-то сказал оставшемуся снаружи, потом вышел, захлопнув дверь.

Время потянулось черепашим ходом. Зина оторвала от своей юбки клочок ткани и перевязала рану на плече, пуля только чиркнула его. В продырявленный брезент пробирался солнечный свет. Мы сидели молча, стараясь не делать лишних движений. Снаружи иногда доносились крики, хохот, выстрелы. Медленно свет стал меркнуть.

«Это самый длинный день в моей жизни, – думал я, прижав спящую Зину. – А ведь сегодня 21 июня – солнцеворот. Моя бабка говорила, что в этот день всё меняется: плохое на хорошее, а хорошее на плохое. Неужели, придётся в этом убедиться лично? Надо дождаться ночи и попробовать сбежать».

Побег

Очнулся от резкой боли в раненом плече.

– Тебя не добудишься, – тихо шептала Зина, убирая руку с больного плеча. – Ночь уже, скоро утро, надо что-то делать!

– Хорошо, давай потихоньку выбираться отсюда.

Мы осторожно стащили с себя брезент и стали на ощупь пробираться к выходу. Я приоткрыл дверь и огляделся, вокруг было тихо, ночь окутала всё вокруг жаркой, душной чернотой, на палубе горели дежурные огни, возле рубки я увидел силуэт автоматчика, курившего сигарету.

Мы тихо прокрались на правый борт, где хранились спасательные шлюпки, одна из них висела, готовая к спуску, видимо кто-то хотел сбежать при захвате, но не успел. Я усадил в неё Зину и стал медленно крутить лебёдку, опуская шлюпку на воду. Лебёдка предательски поскрипывала, заставляя сердце от страха выпрыгивать и сжиматься одновременно.

Совсем рядом, стукнув о стену, распахнулась дверь. Я присел, прижавшись к борту, и затаил дыхание. На палубу вышел огромный мужчина, видимо пьяный, его качало, как при шторме, хотя был полный штиль. Он подошёл к борту и стал мочиться прямо на палубу. Сделав дело, он облегчённо крикнул и, расшатываясь из стороны в сторону, пошёл обратно внутрь корабля, оставив дверь открытой.

Когда его шаги затихли, я продолжил спускать шлюпку. Наконец, почувствовал, что цепи обвисли, значит, шлюпка на воде. Забравшись на борт, взялся за цепи и повис над водой. Страшная боль пронзила плечо, отдаваясь эхом в голове, но я понимал, что, если не спущусь в шлюпку – мне не жить. Через десять минут, показавшихся вечностью, я сидел, обессиленный, возле Зины.

– Надо скорее уплыть, скоро рассвет! – шептала она.

– Хорошо, сейчас, ещё минутку отдышусь.

Погоня

– Серёж! Серёж! – трясла меня Зина, видимо я потерял сознание.

Я встал и стал искать вёсла. Зина искала в другой части лодки. Вдруг она громко закричала, я бросился в её сторону. Зина сидела, зажав себе рот руками, возле трупа нашего старпома, его огромную фигуру нельзя было спутать ни с кем, даже в темноте ночи.

– Тише! Ты всех на ноги поднимешь!

На палубе раздались крики, я, наконец-то, нашёл вёсла, вставил их в уключины и стал, преодолевая боль в плече, усиленно грести.

На капитанском мостике зажгли прожектор, стали прочёсывать гладь моря, вскоре предательский луч нашёл нас и прилип к шлюпке, как клещ – кровопийца. Я понял, что это конец.

– Гребите на те огни! Я постараюсь их задержать, – сказал я Зине, крепко её поцеловал и прыгнул за борт.

Быстро добравшись до корабля, проплыл на противоположную сторону, как и ожидал, там был катер, который я видел днём в иллюминатор. На него спускались несколько человек с автоматами. Верёвочный трап свисал до самой воды, поэтому я смог незаметно забраться вслед за бандитами, которые были поглощены погоней. По моим подсчётам на катере их было пятеро. Я затаился на корме и лихорадочно думал, что делать. Когда катер стал выруливать из-за сухозгруза, план созрел. Найдя люк в машинное отделение, пробрался туда и стал дёргать проводки, кабели, которые попадались под руку, вот нашупал топливный шланг, поднатужился и выдернул его, запахло бензином, двигатель несколько раз кашлянул, словно захлебнулся и заглох.

На носу катера раздались автоматные очереди, люк в машинное отделение открылся, я сразу же кинулся на заглянувшего, рванул его за автомат и несколько раз ударил головой о двигатель. Тело пирата обвисло, я схватил автомат и выбрался на палубу, сразу же выстрелив в стоящих на носу. Перестрелка была недолгой, у меня быстро кончились патроны, поэтому последнее, что я увидел, когда меня схватили и стали избивать, исчезающая в предрассветной мгле лодка с Зиной, силуэт которой я отчётливо видел, пока не потерял сознание.

РЫНОК

Пришёл в себя от невыносимой боли, всё тело ломало, резало, разрывало и жгло. Открыв затёкшие от кровоподтёков глаза, я увидел бамбуковую решётку перед собой, мои руки были скованы наручниками и прицеплены к такой же решётке над моей головой, рядом слева и справа стояли совершенно голые мужчины с поднятыми руками, скованными наручниками. Это были боцман Сидорчук и наш кок Мекулов Вова. Увидев их, я понял, что и на мне нет одежды.

Состояние было ужасным, хотелось проснуться и стряхнуть этот кошмар, но ничего не получалось. Я опёрся на израненные ноги и попытался встать, тело меня не слушалось, от боли темнело в глазах, после упорных неудачных попыток, наконец-то, я встал и посмотрел за решётку. Напротив нас стояли такие же клетки с голыми людьми в наручниках, среди них были женщины и мужчины разных национальностей.

Клетки тянулись метров на сто пятьдесят влево и вправо. С правой стороны они поворачивали в нашу сторону и соединялись, видимо с таким же рядом клеток с нашей стороны. Слева от нас в начале рядов клеток стоял огромный дом из стекла и бетона с просторными балконами и плоской крышей над пятым этажом.

– Шо очухався? – спросил меня Сидорчук.

– Что это? Где мы? – простонал я.

– У пиратив. Цэ у них база, як я поняв, бос их тут живэ.

– А Зина здесь?

– Ни. Её немає, выдно, убылы нашу Зиночку. Наших тут мало, вот Вован, ты, да я, еще десь кэп наш був, но его дуже сыльно лупцювалы ци падонки, так що може уже и помер. Наших усих перебылы, когда бралы нас. Здається мни, шо вони знали шо мы везэм. Здалы нас, хлопцы, чуче мое сердце.

– А зачем нас здесь подвесили? – всхлипнул Вова справа от меня.

– Ты шо, еще не понял? Продаты хотят, це, ж, рынок.

– Вы шутите, Степан Фёдорович? – выпучив глаза, прошептал кок побелевшими от страха губами.

– Була нужда шуткуваты зараз, – буркнул Сидорчук, сплюнув кровь с разбитой губы. – Ты шо не бачишь, шо усих повисылы, як окорокы на ярморци. Зараз рынок видкрыют и побачишь на шо ты тут, и скільки за тебэ дадуть.

Боцман был прав, через полчаса со стороны железобетонного дома потянулись пёстрые толпы разномастных людей. Они подходили к клеткам долго смотрели, что-то обсуждая. Арабы и чернокожие толпились возле клеток с женщинами, другие разглядывали мужчин. Возле клетки с мальчиками собралась группа старичков гламурного вида, они долго спорили, кричали, размахивая чековыми книжками, пока сделка, видимо, не состоялась.

Несколько человек подошло и к нашей клетке. Они что-то расспрашивали по-английски чернокожего торговца, я понял, что речь шла о нашем здоровье и возможности использовать наши органы для трансплантации. Продавец называл цены и заверял, что товар высшей пробы. На наше счастье в цене они не сошлись, а больше мы никому не приглянулись.

К обеду стало невыносимо жарко, рынок опустел, нас отцепили от верхних жердей и принесли какое-то пойло для еды. Я и Вова есть не стали, а Сидорчук съел своё и наше, лёг в углу клетки и уснул. После обеда полил тропический ливень, немного освежив воздух. Положение было ужасным.

План

Ночь быстро окутала всё вокруг липкой темнотой. Со всех сторон слышались стоны заключённых, кто-то вскрикивал, где-то слышался детский плач. Я не мог уснуть, поэтому сел в углу клетки, прижавшись спиной к решётке.

– Шо не спытсья? – послышался голос, проснувшегося Сидорчука.

– Нет.

– А ты, Вовчик, також не спышь?

– Какой тут сон, кругом какие-то пауки ползают, – послышался испуганный голос кока.

– Скажи: «Дякую!», шо ни змии.

– А, что тут змеи есть?

– Ты шо, хлопец, з дубу рухнул? Ты же в Африци, тут цего добра, як говна на базу.

Вова быстро переполз поближе ко мне. Сидорчук тоже загремел кандалами, подползая к нам поближе.

– Слушайте, хлопцы, пока нас не покрошили на запчасти, надо дилаты звитселя ноги, – зашептал он, когда подполз к нам вплотную.

– Как?

– Я тут померкувал, и рахую шо, колы воны нас перечепляют, ежли гуртом навалытсья, то може шось выйдэ.

– Я готов. Всё равно помирать, так хоть ещё одного подонка на тот свет отправлю.

– Вы что! – испуганно заскулил кок. – Они нас всех перестреляют.

– Или на органы порежут, что лучше? – сердито буркнул я.

Вдруг в кустах за клеткой раздался шорох. Мы испуганно посмотрели в ту сторону: в кустах мелькнула голова, ползущего человека. Через несколько секунд совсем рядом раздался голос Зины:

– Серёж!

– Да, я здесь, – моё сердце забилось с утроенной силой. – Ты жива? Зачем ты здесь? Тебя же схватят, беги отсюда скорее!

– Я за тобой. Слушайте! – она подползла вплотную к клетке и взяла мои руки. – Завтра вас отдадут тому доктору, который расспрашивал о вас на торгах, я наблюдала из кустов, а потом встретила его с тем черномазым, что торговался с ним. Они возле моего укрытия ещё говорили с полчаса, потом черномазый дал добро, так что, завтра вас увезут в клинику этого врача и порежут на органы. Я могу достать автомат, у них тут кабак недалеко, сейчас многие спят прямо возле него, пьяные вдрызг.

– Отлично, Зинуль, только будь осторожна! Тогда давай завтра жди нас у выхода.

– Нет. Я осмотрелась здесь. От этой фазенды в город только одна дорога, и повезут вас по ней, она сильно виляет, я буду ждать за третьим поворотом, туда напрямки пять минут ходьбы, а ехать минут десять, так что я посмотрю, куда вас посадят и туда, а вы считайте повороты. Постарайтесь остановить их на третьем, если не получится, я буду палить по водителю, вы, уж, тогда шевелитесь.

– Отлично! Моя ты спасительница, – я просунул голову сквозь решётку и крепко поцеловал её в губы.

Короткая ночь начала таять в тумане разгорающегося утра. Зина скрылась в зарослях.

– Е Бог на свити. Ну, шо? Надо поспаты, завтра будэ жарко, – сказал Сидорчук и полез в свой угол.

– Вы что серьёзно думаете бежать? – пролепетал Вова.

– А ты, что решил остаться. Ты у нас часом не мазохист? – усмехнувшись, сказал я, укладываясь на земляной пол клетки.

– Но ведь это самоубийство! – заскулил кок.

Предательство

Нас разбудили громкие окрики охранников. Они вошли в клетку и стали нас выталкивать прикладами автоматов. Солнце уже выползло из-за верхушек деревьев и припекало не по-детски. Вытолкнув из клетки, нас повели к выходу, тыкая стволами калашей в спину. У входа нас ждали вчерашние покупатели и чернокожий торговец.

Когда мы подошли вплотную, Мекулов вдруг бросился к торговцу и стал захлёбываясь причитать на ломанном английском:

– Они хотят бежать, их ждёт женщина с автоматом! Я не хочу умирать! Спасите!

– Кто хочет бежать? – оттолкнув кока, спросил бандит.

– Они, – показав пальцем в нашу сторону, Вован стал повторять отрететированный текст, видимо, всю ночь готовил его. – Они хотят бежать, их ждёт женщина с автоматом! Я не хочу умирать! Спасите!

Сидорчук тут же сообразил, что дело – труба и со всей силы огрел кандалами своего конвоира, я бросился на своего, но силы были не равны, да, и наручники мешали двигаться. Через пару минут мы лежали на земле с заломанными за спину руками. Кок указал пальцем, где прячется Зина, три вооружённых пирата побежали в ту сторону. Нас стали избивать, вскоре я потерял сознание.

Подвал

Тусклый свет в решётчатом окне – первое, что я увидел, когда пришёл в себя. Я лежал на каменном полу в каком-то подвале, руки были в наручниках прицеплены к толстой трубе. Рядом, метрах в двух от меня у стены сидел Сидорчук, тоже прикованный к трубе. У противоположной стены стояла мебель неясного предназначения, из-за слабого света её трудно было рассмотреть.

– Шо очухался? – с трудом проговорил он опухшими губами.

– Всё теперь кранты. А ты говоришь: «Есть Бог», – превозмогая боль, прошептал я.

– Выбачайте, помылывся!

– Что?

– Ошибся, кажу.

– Нет его, и не было никогда, – со злостью и безысходностью сказал я.

– Може ты и прав, а може и ни, – прохрипел боцман. – Тильки одне скажу, якшо ни во шо не вириты, то зовсим погано.

– Что толку верь, не верь, все там будем.

– Це ты прав, а можэ и ни.

За дверью послышались шаги и голоса.

Хозяин

Разговор шёл на английском, мы затихли и стали слушать говорящих.

– Бос, что с этими делать?

– На зеркало их, но сначала я развлекусь.

– Всех?

– Да. Девку можете взять себе на ночь, а завтра на зеркало.

– А с тем, кто про побег рассказал?

– Его тоже на зеркало. Он слишком много знает.

Дверь заскрипела и открылась, зажёгся свет. Когда глаза привыкли к свету, я увидел перед собой пожилого мужчину с козлиной бородкой и лысой головой, плюгавенький такой старикашка, вызывающий отвращение всем своим видом. Он подошёл к Сидорчуку, внимательно его осмотрел, потом подошёл ко мне и стал пристально разглядывать.

– Чего уставился? – злобно буркнул я.

– О, русо! Я люблю русо, – потом он повернулся к сопровождавшему его чернокожему парню, ткнул в меня пальцем и сказал по-английски, – Этого.

Чернокожий позвал двух здоровяков из-за двери. Они схватили меня под руки, отцепили от трубы и потащили к стене, где стояла мебель. Это было кресло, как в зубо врачебном кабинете, меня посадили в него и зажали кисти в специальные кандалы на поручнях, а ноги внизу, видимо, такими же кандалами. Рядом с креслом стоял стеклянный шкаф. На его полках лежали хирургические инструменты.

Старикашка подошёл ко мне, надел белый халат, висевший в шкафу, и противно улыбаясь, сказал:

– Ну, что, русо, сейчас я буду показать, что учился у вас в Москву. Я доктор, учился мед-институт. Давно, ещё Совет Юньон был. Русо хорош! Весёлый, пьяный, добрый, пролетарий соденяйся, миру – мир, – он взял бормашинку и стал выбирать какое сверло вставить. – Понимаешь, русо, меня не совсем обучать. Меня просить уехать, мне сказать, что я не доктор, но я сам теперь учиться. Извиняй, водка нет, надо терпеть.

Старикашка засмеялся и включил бормашину.

Боль

Зубных врачей я боялся с детства, поэтому увидев смеющееся лицо своего мучителя и представив, что меня ждёт, я невольно подумал: «Господи! Помоги!».

Очнулся я возле стены. Пристёгнутый к трубе, я лежал на полу, рядом стонал боцман.

– Где я? – машинально спросил я его.

– Там же. У вязныци.

– Где?

– В Караганде. Ты шо, так злякався, шо усэ забув?

– А где старикашка?

– Ушёл, бис ему в печинку. Ты як вырубывся, вин меня на стул, а я давно, по-пьяни, якось с хлопцами так помахався, шо вси зубы повыплёвувал. Протез у мени. Цей довбанный зубнюк, як побачив, шо нэ удасться повесельтсья, пару раз дербанул мни по дэсни, выругався и ушёл.

Тут я вспомнил, разговор за дверью и тот кашмар, который так удачно для меня закончился.

– Слушай, а про какое зеркало он говорил?

– Та бис его знае. Яка ныбудь хрень для катування. Вид цього маньяка шо хош можно ждаты.

– Они Зину схватили, – боль пронзила моё сердце, я представил, как её мучают и застонал от бессилия.

Приговор

Солнечный свет за решётчатым окном стал меркнуть. Боцман похрапывал вытянув ноги у стены. Я удивлялся его спокойствию, злился, что не могу успокоиться, готов был рыдать от беспомощности и стонал от страшной боли, разрывающей душу на мелкие кусочки.

За что? За что всё это? Что я сделал такого, что жизнь меня так мордует нещадно? А может это Ты глумишься надо мной? Тогда я Тебя ненавижу! Ты главный злодей на свете! Это Ты виноват, что я мучаюсь, что мучаются любимые мной люди. Я ненавижу Тебя! Ты мёртвый Бог, а если нет, то Тебя надо убить! Будь Ты проклят!

Зеркало

*«Предал меня Бог беззаконнику и в руки нечестивым бросил меня. Я был спокоен, но Он потряс меня; взял меня за шею и избил меня и поставил меня целью для Себя. Окружили меня стрельцы Его; Он рассекает внутренности мои и не щадит, пролил на землю желчь мою, пробивает во мне пролом за проломом, бежит на меня, как ратоборец»
(Иов 16:11—14)*

Казнь

Как только лучи солнца стали пробираться сквозь решётку нашей тюрьмы, дверь с шумом открылась, два чернокожих здоровяка вошли в подвал, отцепили Сидорчука и увели куда-то. Примерно через час они вернулись, схватили меня и, зажав мои руки, словно тисками, потащили на улицу.

Меня приволокли и привязали к столбу; именно приволокли, потому что я обвис в руках мучителей, как покойник, и не реагировал на болезненные пинки и встряхивания. Рядом стояло ещё два столба, на них были привязаны боцман и Зина. Её истерзанное тело безжизненно висело на верёвках туго притянутых к столбу.

За нашей спиной метрах в пятидесяти полукругом стояли бамбуковые клетки с голыми пленниками, очевидно, их перетащили сюда с рынка. Справа и слева от нас на высоких столбах стояли изящные беседки с креслами и столиками. Беседки были пустыми.

Прямо перед нами лежал огромный плоский камень, одним краем, уходящий вглубь лазурного озера, берега которого утопали в зарослях тростника. Камень был грязного, почти чёрного цвета, верх его был совершенно плоским и был похож на зеркало. От его поверхности отражались солнечные лучи, издевательски слепя нам глаза.

Между нами и камнем было метров двадцать, от столбов к камню шла хорошо вытоптанная тропа, вдоль неё стояли чернокожие туземцы с копьями и бубнами.

Не прошло и получаса, как в беседки по деревянным трапам стали подниматься люди в шортах и ярких рубашках, они усаживались в кресла, тут же появились официантки с подносами в руках, предлагая напитки почётным гостям.

В левой беседке я увидел босса, того противного старикашку, который развлекался «лечением» здоровых зубов. Усевшись в кресло, он закинул ногу на ногу и закурил сигару, потом махнул рукой кому-то за противоположной беседкой.

Застучали барабаны, из-за правой беседки выскочил чернокожий мужчина в страшной маске какого-то чудища. Скача с ноги на ногу, он доскакал к нашим столбам и стал громко орать на тарабарском языке, ему вторили стоящие вдоль дороги, стуча в такт прыжкам своими бубнами.

В руке шамана был факел не горевший, но сильно дымящий. Туземец стал подносить факел к лицу Лизы. От дыма она закашлялась, я вздрогнул от боли из-за бессилия помочь любимой. Два огромных туземца отвязали её от столба и под громкие крики остальных потащили несчастную к плоскому камню.

Подойдя к нему вплотную, они остановились. Все затихли. Шаман указал факелом на правую беседку. Там стояла стойка с микрофоном. К ней подошёл мужчина в костюме и стал читать на разных языках короткий текст, на русском он звучал так:

– Так будет каждый, кто хочет побег!

Когда он дочитал, вновь застучали барабаны и начались пляски туземцев. К здоровякам, державшим Зину, подошли ещё два гиганта. Они взяли бедняжку за руки и за ноги и стали ритмично раскачивать под звуки нарастающего ритма барабанов и бубнов. Когда бой прекратился, они отпустили тело, оно взлетело над камнем и упало на зеркальную поверхность, пыхнув ослепительной вспышкой, словно на камне подожгли кучку пороха.

Я зажмурился, сердце пронзила боль, дыхание остановилось, внутри всё похолодело, когда я открыл глаза, то увидел только зеркальную поверхность камня и скачущих туземцев. От Зины не осталось ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.